

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

1 Carles li reis, nostre emper[er]e magnes
Set anz tuz pleins ad estet en Espagne:
Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne.
N'i ad castel ki devant lui remaigne;
Mur ne citet n'i est remes a fraindre,
Fors Sarraguce, ki est en une muntaigne.
Li reis Marsilie la tient, ki Deu nen aimet;
Mahumet sert e Apollin reclimet:
Nes poet garder que mals ne l'i ateignet.
AOI.

2 Li reis Marsilie esteit en Sarraguce.
Alez en est en un verger suz l'umbre;
Sur un perrun de marbre bloi se culchet,
Envirun lui plus de vint milie humes.
Il en apelet e ses dux e ses cuntres:
«Oez, seignurs, quel pecchet nus encumbret:
Li emper[er]es Carles de France dulce
En cest pais nos est venuz cunfundre.
Jo nen ai ost qui bataille li dunne,
Ne n'ai tel gent ki la sue derumpet.
Cunseilez mei cume mi savie hume,
Si m(e) guarisez e de mort et de hunte».
N'i ad paien ki un sul mot respundet,
Fors Blancandrins de Castel de Valfunde.

Перевод Ю. Б. Корнеева

1 Король наш Карл, великий император,
Провоевал семь лет в стране испанской.
Весь этот горный край до моря занял,
Взял приступом все города и замки,
Поверг их стены и разрушил башни,
Не сдали только Сарагосу мавры.
Марсилий-нехристь там царит всевластно,
Чтит Магомета, Аполлона славит,
Но не уйдет он от господней кары.
Аой!

2 Однажды в зной Марсилий Сарагосский
Пошел искать прохлады в сад плодовый
И там прилег на мраморное ложе.
Вкруг – мавры: тысяч двадцать их и больше.
Он герцогам своим и графам молвит:
«Узнайте, господа, о нашем горе:
Карл-император нам грозит разгромом.
Пришел из милой Франции он с войском.
А у меня нет силы для отпора,
И не хватает мне людей для боя.

Совет подайте, мудрые вельможи,
Как избежать мне смерти и позора».
В ответ ему язычники – ни слова.
Не промолчал лишь Бланкандрен Вальфондский.

Перевод Ф. Г. де Ла Барта

1 Державный Карл¹, наш славный император,
Семь долгих лет в Испании сражался²:
И до моря³ вся горная страна
В его руках; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стены их рассыпались во прах.
Лишь не взял Карл Великий Сарагоссы,
Что на горе⁴ стояла: царь Марсилий⁵
Владеет ею; в Бога он не верит, –
Он Аполлину⁶ служит, Мухамеду⁷, –
Но близок час гибели его.
– Аой!⁸

2 Однажды был Марсилий в Сарагоссе, –
Он в сад пошел, прилег на темный мрамор
В тени; вокруг собрались сарацины⁹,
Их было тысяч больше двадцати;
Своим баронам молвил царь Марсилий:
«Послушайте, друзья, какое горе
Постигло нас: король могучий Карл,
Властитель милой Франции прекрасной,
В наш край родной пришел вас разгромить.
Без войска я – и нет полков могучих,
Чтоб отразить дружины короля!
Я вас прошу, мудрейшие из мавров¹⁰,
Совет подать мне: как уйти от смерти
И как верней позора избежать?...»

---

¹ *Карл Великий* – король франков (768–800), римский император (800–814). Во время испанского похода 778 г. Карл не был еще императором.

² Поход в Испанию продолжался около года, а не семь лет, как указывает «Песнь о Роланде».

³ *До моря*. – Только сыну Карла Великого Людовику Благочестивому удалось в 801 г. достичь Барселоны, расположенной на берегу Средиземного моря.

⁴ *Сарагосса*. – Таким же образом определяет местоположение Сарагоссы «Исландская хроника Карла Великого», в действительности город расположен под горой.

⁵ *Царь Марсилий*. – Следует думать, что имя вымышленное. Возможно искажение имени сарагосского правителя Амогоз, просившего Карла принять его в подданство.

⁶ *Аполлин* – Аполлон.

⁷ *Мухаммед* – Магомет (571– 32), основатель мусульманской религии. В эпосе смешение мусульманства с язычеством. Мавры изображаются язычниками, поклоняющимися идолам Аполлина, Мухамеда и Тервагана, своеобразной троице язычников.

⁸ *Аой!* – Восклицание, своеобразный припев.

⁹ В поэме противниками франков представлены сарацины (мавры, арабы), хотя в реальности отряд погиб в сражении с басками.

¹⁰ Мавры – исповедовавшие ислам арабы и берберы Северо-Западной Африки и Европы в VII–XVII вв. Поскольку некоторые из арабских завоевателей Испании относились к негроидной расе, этот термин употреблялся как отличительный признак любого человека с темной кожей.

Хранят они глубокое молчанье, –
Один вальфондский славный кастелян
Молчать не стал, – он звался Бланкандрином.

3 Среди испанских мавров Бланкандрин
Был всех мудрей, был витязем отважным,
Умел помочь советами царю, –
Он так сказал: «Оставьте страх, Марсилию,
Тщеславному и гордому французу
Клянитесь в дружбе, в преданности вечной,
Пошлите сотен десять соколов,
Благополучно перенесших линьку,
Медведей, львов, собак, семьсот верблюдов,
Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром и золотом арабским,
Чтоб славный Карл, французов повелитель,
Возов огромных больше полусотни
Мог нагрузить богатыми дарами:
Заплатит он наемникам своим.
Так долго Карл в Испании сражался, –
К себе домой итти ему пора!
Скажите Карлу: «В Ахен твой престольный
Я за тобой последую и сам,
Когда ж настанет праздник Михаила, –
Тогда крещусь; по правде и по чести
Тебе служить я буду, славный Карл!»
Попросит он заложников, – так что же?
Их десять, двадцать франкам отдадим,
Детей пошлем, – я собственного сына
Отправлю к ним на гибель и мученья!
Пускай они там все обрящут смерть,
Чем нам лишиться власти и почета
И подаянья нищенски просить!

4 Я вам клянусь моей рукою правой
И бородой, покрывшей грудь мою,
Что войско Карла быстро удалится,
К себе домой уйдут тогда французы...
Когда же все их войско разбредется
И в Ахенском соборе мощный Карл
Великий день святого Михаила
Отпразднует, – пройдет крещенья срок;
О нас ни слова франки не услышат.
Ужасен Карл, безжалостен и грозен:
Заложников казнит, не медля, он...
Но пусть они скорей лишатся жизни,
Чем светлый край, Испанию-красу,
Отнимет Карл, французов повелитель,
И бедствий ряд обрушится на нас!»
«Все это так!» – кричат толпы неверных.

5 Марсилию-царь окончил совещанье,

Зовет к себе Кларина, Эвдрупина,
Эстамарина, пэров¹¹ двух, – за ними
Пришел Магей и с ним его племянник
Вождь Махинер, пришел Мальбьэн заморский,
Пришел Жоймер и старый Бланкандрин.
(Всех было десять самых хитрых мавров.)
Посольства цель Марсилией объясняет:
«Друзья, не медля, к Карлу отправляйтесь:
Он под стенами Кордовы¹² теперь;
Возьмите каждый в руки ветвь оливы,
Как символ мира; если вам удастся
Меня с Великим Карлом примирить, –
В награду я земли дарую ленной¹³,
Поместий вам и всякого добра,
Всего, всего, кто сколько взять захочет!»
И молвят мавры: «Здесь богатств немало!»

6 Окончил царь Марсилией совещанье.
«Сеньоры, – молвил он своим баронам –
Возьмите каждый в руки ветвь оливы,
Просите Карла, Богом заклиняйте
Меня и мавров ныне пощадить.
Скажите франку: «Ровно через месяц
Наш царь и с ним до тысячи баронов
Придут к тебе в престольный Ахен твой,
Закон Христа они все вместе примут,
Служить тебе по правде и по чести
Марсилией будет, – сколько ты ни спросишь,
Он даст тебе в заложники людей».
«Прекрасным это будет договором!» –
Сказал в ответ коварный Бланкандрин.

7 Велел Марсилией десять белых мулов
К себе, не медля, вывести; в подарок
Их дал ему Сицилии король:
На них уздечки были золотые,
А седла все литого серебра.
На них послы Марсилиия воссели,
В руках они держали ветвь оливы...
Приехали. Они обманут Карла.

8 Могучий Карл и радостен, и светел:
Взял Кордову он, стены разгромил,
На землю он поверг твердыни башен...
И знатная добыча людям Карла
Досталась там – набрали без конца
И серебра и золота литого,
Роскошных сбруй, доспехов драгоценных...

---

¹¹ *Пэры* – члены высшего дворянства, пользующиеся особыми политическими привилегиями.

¹² *Кордова* – город южной Испании.

¹³ *Лен* – поместье, земельное владение во времена Средневековья в Европе.

Язычников в Кордове не осталось.
Побитых тьма – живые крещены!
Великий Карл сидит в саду роскошном:
Вокруг него Роланд и Оливьер,
И вождь Самсон, и Ансеис надменный,
Жофfrey д'Анжу, знаменосец Карла,
Жерен, Жерье, Ивон и с ним Иворий,
Одон-силач, гасконец Энжелъе,
За ним старик Жерард из Руссильона
И славный вождь могучий Беранжье.
Но, кроме них, там многие другие:
Баронов Карла – всех пятнадцать тысяч.
Сидят на белых шелковых коврах,
Играют в кости; те же, кто постарше
И кто умней, – те в шахматы играют.
Вдали проворных юношей толпы
Увлечены потехой богатырской...
Под сенью ели, где цветет шиповник,
Сидит на троне золота литого
Прекрасной нашей Франции король.
Волной седые кудри ниспадают,
А борода его белее снега.
Прекрасен Карл, горда его осанка:
Узнали сразу франков властелина
Послы испанцев, спешились они,
Любовно все приветствовали Карла.

9 Прошел вперед и молвил Бланкандрин:
«Храни тебя, король, твой Бог всеильный,
Тот дивный Бог, которому ты служишь!
Велел тебе сказать Марсилию храбрый,
Что расспросил о вашей вере он,
Что ваш закон – один ведет к спасенью!
С тобой разделит царь свои богатства:
Пошлет собак, верблюдов, львов, медведей
И тысячу слинявших соколов,
Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром, и золотом арабским, –
Наполнишь ты богатыми дарами
Возов огромных больше полусотни.
Так много царь пошлет монет чеканных,
Что сразу войску плату ты отдашь...
Великий Карл, ты долго здесь сражался –
Пора тебе домой вернуться, в Ахен!
Марсилию наш пойдет за вами следом,
Чтоб там принять святой закон Христа.
Вот все, что он велел тебе поведать».
И поднял руки к небу Карл Великий,
Поник челом и в думу погрузился.

10 Поник челом могучий император,
Любил наш Карл обдумать свой ответ.

Молчал он долго – поднял взор на мавра,
И грозен был прекрасный лик его.
«Ты нам вещал пленительные речи,
Но царь Марсилий – враг смертельный мой! –
Воскликнул Карл. – Кто будет мне порукой,
Что он не лжет?» – «Заложники, – сказал
Испанский мавр, – мы десять их, пятнадцать
Дадим тебе, мой сын в числе их будет
И многие знатнейшие из мавров.
Когда ж вернешься ты, король могучий,
В престольный Ахен, в царственный Дворец,
Настанет день, – Михайлов день священный –
Приедет царь Марсилий сарагосский,
И в тех водах чудесных, что сам Бог
Там сотворил для Карла-властелина,
Святой закон Христа Марсилий примет:
Он в том клялся!» И молвил Карл в ответ:
«Еще пред ним открыта дверь спасенья!»

11 Пылал закат, светило ярко солнце, –
Могучий Карл в конюшни белых мулов
Велел свести, в саду своем зеленом
Он для послов велел разбить шатер,
Двенадцать слуг проворных к ним приставил...
Проспали там до утра золотого
Послы испанцев. Рано встал король
И, выслушав обедню, сел под елью.
Затем велел позвать своих баронов.
(Он не хотел решать без них дела.)

12 Могучий Карл сидит под сенью ели.
Своих баронов он к себе зовет.
Пришел Ожье, Турпин архиепископ,
Старик Ричард, его племянник Генрих
И храбрый вождь гасконский – Аселин,
Пришел Жерен, Жерье, Тибальд из Реймса
И брат его двоюродный – Милон,
И граф Роланд с могучим Оливьером.
До тысячи сошлось баронов Карла, –
Меж ними был изменник Ганелон.
И сели все. Тогда совет был принят,
Принесший франкам столько тяжких бед.

13 «Бароны, – молвил франкам император, –
Марсилий-царь прислал послов своих;
Он золота, богатств сулит нам много –
Пришлет нам львов, собак борзых, медведей
И тысячу слинявших соколов,
Семьсот верблюдов, мулов, нагруженных
И серебром, и золотом арабским.
Больших повозок больше полусотни
Наполним мы богатыми дарами.

Зато уйти, не медля, должен я
Домой к себе; за мною царь Марсилиий
Приедет к нам, в мою столицу Ахен,
Чтоб там принять святой закон Христа
И в ленный дар принять свои владенья.
Однако, я в сомнении великом,
Насколько мавру можно доверять». —
В ответ бароны: «Будьте осторожны!»

14 Могучий Карл окончил речь свою,
Но граф Роланд ее не одобряет, —
Он с места встал и Карлу возразил:
«Поверить маврам может лишь безумный, —
Семь долгих лет воюешь с ними ты.
Мечом своим я добыл Вальтиэру,
Коммибль и Нобли, крепкий замок Пину,
Севилью, Валагарью и Туделлу.
Всегда Марсилиий с нами поступал,
Как истинный предатель, — к нам однажды
Пятнадцать мавров он прислал своих,
В руках они держали ветвь оливы
И те же речи льстивые вещали!
У нас спросил совета Карл Великий,
И согласились мы, безумцы, с ним!
Тогда король послал двух славных графов —
Один звался Базан, другой Базилий...
У гор Алтайских мавр казнил обоих!..
Могучий Карл, громи врагов, как прежде,
Веди войска на стены Сарагоссы,
Всю жизнь свою в осаде проведи, —
Но все ж за смерть Базана, и Базиля
Марсилию ты должен отомстить!»

15 Поник челом великий император,
Рукой он треплет бороду, усы...
Ни слова он Роланду не ответил,
В молчанье все сидят бароны Карла...
Один лишь граф могучий Ганелон
Молчать не стал, — он выпрямился гордо
И Карлу слово смелое сказал:
«Напрасно, Карл, ты слушаешь безумных:
Будь это я иль кто-нибудь другой, —
Тому внимай, кто даст совет полезный!
Когда тебе Марсилиий обещает
Рабом твоим покорным стать и в лен
Из рук твоих принять свои владенья,
Когда закон Христа принять он хочет, —
То всякий, кто советует отвергнуть
Его мольбы, — забыл, какая смерть
Постигнет нас! Ты более не должен
Внимать речам, тщеславию внушенным, —
Великий Карл, оставь совет безумных, —

Одним советам мудрости внимай!»

16 Прошел вперед седой Нэмон Баварский,
Он лучшим был из всех баронов Карла:
«Ты слышал, Карл, что молвит Ганелон, –
Он прав, и ты совет его исполни:
В борьбе с тобой Марсилий изнемог, –
Ты разгромил и замки все, и башни,
И города ты в пепел обратил;
Побеждены полки испанских мавров.
Теперь Марсилий просит о пощаде;
Грехом великим будет, если ты
Его мольбы отвергнешь. Сколько хочешь,
Заложников он дать нам обещает;
Пора окончить долгую борьбу!»
В ответ французы: «Прав могучий герцог!»

17 «Скажите мне, бароны, – молвил Карл, –
Кого послать я должен в Сарагоссу?»
«Вручите мне свой посох и перчатку,
Охотно я посланье отвезу!» –
Сказал Нэмон, баварский славный герцог.
И молвил Карл: «Ты мудрый мой советчик, –
Я не пущу тебя в столь дальний путь!
Нет! В том клянусь усами, бороною,
Не ты поедешь к маврам, в Сарагоссу!
Садись и жди, пока тебя спрошу я!»

18 «Кого послать? Скажите мне, сеньоры», –
Спросил король. – «Меня», – сказал Роланд.
«Боюсь, чтоб вы там бед не натворили:
Вы слишком пылки, – молвил Оливьер, –
Пусть лучше я поеду в Сарагоссу!»
«Молчать, бароны! – Карл воскликнул грозно. –
Я бородой клянусь вам и усами:
Никто из пэров к маврам не поедет!»
Так молвил Карл, – и стихло все вокруг.

19 Прошел вперед Турпин архиепископ
И так сказал: «Оставь в покое франков.
Они так много бедствий претерпели, –
Семь долгих лет в Испании ты пробыл!
Отправь меня к Марсилию с посланьем:
Сумею я с испанцем говорить!»
«Молчи, Турпин! – сказал король сердито. –
Садись вон там, на шелковый ковер,
И молча жди, пока тебя спрошу я!»

20 «Французские бароны, – молвил Карл, –
Вы среди моих вассалов изберите,
Кто наш ответ доставит в Сарагоссу».
Роланд в ответ: «Пусть едет Ганелон

(Он вотчим¹⁴ мой) – пригоднее барона
Нельзя найти». И молвили французы:
«Он лучше всех исполнит порученье!»

21 «Возьми, барон, мой посох и перчатку, –
Сказал король могучий Ганелону, –
Ты слышал сам: тебя избрали франки».
И отвечал на это Ганелон:
«Всему виной один лишь твой племянник:
Пока я жив, я буду ненавидеть
Роланда, пэров, любящих Роланда,
И Оливьер, его сердечный друг, –
Отныне враг мне! Всех пред ликом Карла
На смертный бой, не медля, вызываю!»
«Как злобен ты! – воскликнул император, –
Не граф Роланд, а я тебе велю
Везти тотчас Марсилию посланье».
«Что ж? Я готов! – ответил Ганелон, –
Но, как Базан и брат его Базилий,
Уж я сюда от мавров не вернусь!»

22 Я еду в путь; домой не возвращался,
Кто послан был к Марсилию... Король,
Не забывай, что я твой зять, что сына
Оставил я в краю родном... красавец
Мой Балдуин, и если сохранит
Его Господь, – то витязем могучим,
Отважным будет он... Мои владенья
Отдай ему; лишь ты его защитник...
Увы! Я сына больше не увижу!»
«Уж слишком ты разнежился, барон, –
Воскликнул Карл. – Велю тебе поехать –
И дольше здесь не должен медлить ты!»

23 Граф Ганелон во гневе и печали
Отбросил кунью шубу с плеч своих,
В одной остался шелковой тунике –
Прекрасен был могучий Ганелон:
Широкобедр и статен, – ярким светом
Его глаза лучистые горели,
И весь гроза, величествен и горд,
Стоял он там, и взоров восхищенных
С него свести бароны не могли.
Воскликнул он: «За что, Роланд, безумный,
Пылаешь ты ко мне такою злобой?
Что вотчим я – то всем давно известно!
Назначен я тобой в послы к испанцам,
Но если Бог мне даст сюда вернуться –
До самой смерти горе и страданья
Твоим уделом будут!» И воскликнул

---

¹⁴ *Вотчим* – отчим, неродной отец.

Роланд в ответ: «Твои безумны речи!
И знают все: угроз я не страшусь!
Но мудрый франк везти посланье должен,
И если Карл Великий соизволит –
Охотно я посланье отвезу!»

24 «Не сюзерен тебе я, – в Сарагоссу
Не можешь ты поехать за меня! –
Граф Ганелон Роланду отвечает. –
Сам Карл велит – и я свой долг исполню,
Но, чтобы гнев безмерный утолить,
Свершить готов я всякое безумство!»
Роланд в ответ лишь громко рассмеялся.

25 Услышал смех Роланда Ганелон,
В его груди от горя и досады
Так сжалось сердце, что едва-едва
Он устоял: «Тебя я ненавижу! –
Воскликнул он. – Лишь по вине твоей
Неправедно в послы я ныне избран!..
Правдивый Карл, я здесь перед тобою,
И что велишь – исполню в тот же миг!»

26 Могучий Карл вручил ему перчатку,
Но Ганелон далеко быть хотел бы:
Перчатку он на землю уронил.
«О Боже! – все воскликнули французы. –
Ужели мы к Марсилию посла
Себе на горе ныне отправляем!»
В ответ посол: «Грядущее покажет.

27 О, государь, дозволю мне тотчас ехать, –
Сказал посол, – я здесь не должен медлить».
А Карл в ответ: «От имени Христа.
От моего – ступай, барон!» Десницей
Могучий Карл его благословил,
Затем вручил послание и посох.

28 Граф Ганелон ушел в свою палатку,
Стал выбирать доспехи боевые:
Надел златые шпоры, у бедра
Привесил меч Мурглеис, на Ташебруна,
На скакуна, вскочил, – стальное стремя
Ему держал могучий Гюйнемер
(Он Ганелону дядей был). И тут же
В слезах стояли многие вассалы:
«Могучий граф, на горе и страданья
Родился ты! – воскликнули они. –
Так много лет при Карле-властелине
Ты состоял придворным, все тебя
За славного вассала почитали...
Того, кто дал совет тебя послать, –

Могучий Карл от смерти не избавит!
Как граф Роланд подумать только смел
Послать такого знатного барона!
Владыко наш! Возьми нас всех с собою!»
И молвил граф: «Избави Бог, чтоб я
На смерть повел таких баронов славных.
Нет, лучше я один погибну там!
Вернитесь вы во Францию родную
И мой привет прощальный отвезите
Супруге милой, пэру Пинабелю
И Балдуину – сыну моему.
Ему, друзья, как добрые вассалы,
И верою, и правдой послужите!» –
Так молвил он – и мчится к Сарагоссе.

29 Коня погнал чрез рощу из олив
Граф Ганелон; испанцев нагоняет.
(Их Бланкандрин нарочно задержал.)
Граф Ганелон с послом испанских мавров
С большим искусством стали речь вести:
Мавр Бланкандрин сказал: «Дивлюсь я Карлу:
Апулию, Калабрию он добыл
И чрез громаду волн морских соленых
С дружиной он обрушился на англов
И дань Петру заставил их платить.
За что теперь в наш край войной жестокой
Нагрянул он?» – «Так хочет Карл Великий;
Ему никто противиться не может», –
Так отвечал испанцу Ганелон.

30 Воскликнул мавр: «Народ бесстрашный, франки,
Напрасно только Карлу-властелину
Такие мысли гордые внушают
Бароны ваши; Карла и других
Они погубят!» – «Я таких не знаю, –
Сказал в ответ на это Ганелон, –
Один Роланд надменностью своею
Себе готовит гибель и позор!
Сидел в тени недавно император,
Пред ним в броне предстал его племянник
(Он перед тем разграбил Каркассону),
В руках своих он шар держал пурпурный
И так сказал: «Французов повелитель,
Вот я принес венцы царей земли – Они твои!» –
Дивлюсь я, как доньше
За дерзость он еще не заплатился!
Ведь каждый день себя он не жалеет;
С его кончиной мир настал бы вечный!»

31 «Жесток Роланд! – воскликнул Бланкандрин. –
Как? Все народы, земли все задумал
Себе забрать он: кто ж его клеветы?»

«Конечно, франки! – молвил Ганелон. –
Они его и чтут, и любят нежно,
Никто из них Роланду не изменит:
Он им дарит серебра и злата груды,
Немало сбруй и шелковых ковров,
Коней и мулов, – все, что им угодно!
Чего ни спросит Карл – он все исполнит,
Роланд Восток и Запад покорит
Державному французскому владыке!»

32 Граф Ганелон и хитрый Бланкандрин
Так долго вместе ехали, что оба
Друг другу дали клятву – погубить
Могучего Роланда; в Сарагоссу
Приехали и там под кипарисом
Сошли с коней, прошли вперед – и видят:
Под сенью ели трон стоит высокий,
Он весь покрыт парчей александрийской,
На нем сидит испанцев повелитель –
Марсилий-царь, а тысяч двадцать мавров
Стоят вокруг в молчании глубоком:
Все знать хотят, что скажут им послы.
К ним Бланкандрин подходит с Ганелоном.

33 К Марсилию подходит Бланкандрин,
За руку держит графа Ганелона:
«Привет тебе во имя Магомета
И Аполлина, коим служишь ты! –
Воскликнул мавр. – Поведали мы Карлу
Твои слова, но он ответа не дал,
Лишь поднял руки к небу император, –
Воздал хвалу он Богу своему.
Теперь к тебе могучего барона
Сюда прислал он; этот скажет нам,
Согласен ли на мир король французов».
«Ну, говори!» – сказал послу Марсилий.

34 Граф Ганелон успел ответ обдумать,
С большим искусством стал он говорить:
«Храни тебя преславный царь небесный,
Кому всегда молиться мы должны!
Мой властелин велел тебе поведать,
Что должен ты принять закон Христа –
Тогда тебе, как ленное владенье,
Он даст земли испанской половину.
Но если ты ослушаться посмеешь –
Тебя в цепях отправят в стольный Ахен
И предадут позорной казни там!»
Смутился царь, услыша речь такую,
Своим копьём в оправе драгоценной
Хотел ударить графа Ганелона,
Но вовремя эмиры удержали.

35 В лице тогда Марсилиий изменился,
Потряс копьем в оправе драгоценной;
Увидя то, могучий Ганелон
Свой добрый меч извлек наполовину
И так сказал: «Как ты красив и светел,
Мой добрый меч! Пока в руке моей
Сверкаешь ты – не скажет Карл Великий,
Что я один погиб в краю чужом!
Нет, раньше здесь славнейшие из мавров
За смерть мою расплатятся с тобой!»
«Разнимем их!» – кричат толпы неверных.

36 Знатнейшие из мавров упросили
Царя воссесть на трон высокий свой.
И так халиф сказал ему: «Француза
Не убивать, а выслушать ты должен!»
«О, государь! – воскликнул Ганелон. –
Готов снести я тяжкую обиду,
Но если б все испанские богатства
И золото со всех концов вселенной
Ты предложил мне, – я молчать не стану!
И все, что Карл Великий повелел мне
Тебе, врагу смертельному, поведать, –
Я выскажу!» Во гневе Ганелон
Отбросил с плеч могучих кунью шубу,
Покрытую парчей александрийской, –
Ее приял маститый Бланкандрин;
Не захотел с мечом своим расстаться
Граф Ганелон: его рукой он держит
За рукоять из золота литого...
Кричат толпы неверных в восхищеньи:
«Какой прекрасный витязь, полюбуйте!»

37 К Марсилию подходит Ганелон.
«Марсилиий, царь, твой ярый гнев напрасен:
Могучий Карл, французов повелитель,
Велит тебе принять закон Христа.
Испании получишь половину,
Другою править будет граф Роланд –
И знай: Роланд кичливый соправитель!
Но если ты ослушаться посмеешь, –
Могучий Карл оцепит Сарагоссу,
Велит тебя связать – и в дальний путь
На скакуне ретивом иль на муле
Тебя везти не станут, нет, – позорно
На кляче жалкой в Ахен первостольный
Поедешь ты, – и там имперский суд
Велит тебя предать позорной казни!
Читай письмо!» – и он вручил посланье.

38 В лице тогда Марсилиий изменился,

Схватив посланье, он печать сорвал.
И все прочел: «Французов повелитель
Мне о своем напоминает гнев
За то, что я Базана и Базилья
Близ гор Алтайских некогда казнил.
Велит король прислать к себе халифа
(Он дядя мой). Такою лишь ценою
Могу спасти я жизнь и честь свою.
Не то – король меня щадить не будет!»
«О, государь! – воскликнул царский сын. –
За речь свою безумную достоин
Граф Ганелон погибнуть: разреши мне
Надменного француза наказать!»
Граф Ганелон слова его услышал,
Спиною стал к стволу зеленой ели
И добрый меч потряс в руке своей.

39 Марсильи-царь пошел в свой сад зеленый,
За ним пошли знатнейшие из мавров –
И Бланкандрин седой, и Юрфалей,
Марсилиа наследник, а за ними
Пришел халиф. И молвил Бланкандрин:
«Марсильи-царь! Вели позвать француза,
Он мне клялся, что будет другом нам». —
«Зови его!» – воскликнул царь Марсильи.
И мавр, держа за руку Ганелона,
Привел его, – и все там сообща
Безбожную измену обсуждали.

40 «Любезный граф, – воскликнул царь Марсильи, –
Безумно я, конечно, поступил,
Когда хотел во гневе вас ударить;
Зато теперь вот эту кунью шубу
Я вам дарю; за мех пятьсот червонцев
Я заплатил – и завтра в час вечерний
Я дорогой подарок вам пришлю». —
«Охотно, царь, подарок принимаю,
Да наградит за то тебя Господь!» –
Так Ганелон Марсилию ответил.

41 Тогда сказал Марсильи сарагосский:
«Поверьте, граф, я очень вас люблю.
Порасспросить о вашем славном Карле
Я вас хочу: уж стар владыка франков.
Его труды и старость одолели,
Ведь, говорят, ему за двести лет!
Так много стран изъездил он, так много
Ударов страшных принял щит его!
Так много Карл властителей могучих,
Лишив владений, в нищих обратил!
Когда же он сражаться перестанет?»
«Нет, не таков французов повелитель! –

В ответ на то воскликнул Ганелон. –
Кто знает Карла, тот наверно скажет:
«Вот истый рыцарь, доблестный барон!»
Нет слов таких, чтоб доблесть, благородство
И милосердье Карла описать!
Никто словами выразить не может,
Каков король, – так щедро Бог всеильный
Владыку наших франков одарил!
Скорее здесь согласен я погибнуть,
Чем бросить службу Карла-властелина!»

42 «Дивлюсь я Карлу! – молвил царь Марсиль. –
Он стар и сед – ему за двести лет!
Так много стран обширных он изездил,
Его так много копий пронизало,
Унизил столькох он царей могучих...
Когда ваш Карл от брани отдохнет?»
«Пока не пал Роланд, его племянник, –
Не будет мира! – молвил Ганелон. –
Нельзя найти нигде под сводом неба
Таких отважных рыцарей могучих,
Как граф Роланд и храбрый Оливьер!
Любимцы Карла, все двенадцать пэров
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском, – может быть спокоен
Могучий Карл – его не потревожат!»

43 «Да, чуден Карл! – воскликнул сарацин. –
Он стар и сед, и двести лет уж прожил;
Так много стран изездил он, немало
Его булатных копий пронизало,
Так много он разбил царей могучих...
Когда конец наступит тяжкой брани?»
И так сказал изменник Ганелон:
«Когда Роланда смерть в бою постигнет;
До сей поры ни Запад, ни Восток
Еще такого витязя не видел!
Двенадцать пэров – все любимцы Карла –
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском нашим, – и никто
Не будет страшен Карлу-властелину».

44 «Любезный друг! Красавец Ганелон! –
Воскликнул царь. – И мой народ прекрасен,
Четыреста могу набрать я тысяч
И в бой вступить с дружиной короля!»
«Теперь не время, – граф ему ответил, –
Своих людей лишь даром ты погубишь.
Нет, не безумно, – мудро поступать
Ты должен, царь: пошли подарки Карлу
И приведи французов в восхищенье,
Заложников пошли ты Карлу двадцать:

Уйдет король во Францию-красу.
Роланд и с ним учтивый, храбрый витязь
Граф Оливьер останутся на страже.
Тот и другой себе обрящут смерть,
Унижена тем будет гордость Карла,
И больше он не вступит с вами в бой!»

45 «Граф Ганелон, скажите мне, прошу вас, –
Воскликнул царь, – как нам убить Роланда?»
«Все это я подробно объясню, –
Так Ганелон Марсилию ответил. –
Достигнет Карл ущелий Цезарийских
И за собой отборную дружину
Оставит там: останется Роланд
И Оливьер, и двадцать тысяч войска.
Пошли сперва сто тысяч сарацин:
Большой урон потерпит войско франков;
Но за твое я также не ручаюсь!
Другую рать веди тогда на бой:
Едва ли, после двух таких сражений,
От гибели спасется граф Роланд;
И твой поход удача увенчает,
И долгий мир в награду ты вкусишь!

46 Да, если там убьете вы Роланда, –
Великий Карл руки лишится правой, –
Рассеются могучие дружины,
Таких уж больше Карлу не набрать!
И Франция великая пребудет
В покое вечном!» Царь испанских мавров
За речь такую обнял Ганелона
И показал ему свою казну.

47 И молвил царь (они договорились):
«Что пользы нам в совете, если мы
Советчику не верим безусловно?
Клянись, граф, Роланду изменить!»
Граф Ганелон на это согласился
И на мощах, сокрытых в рукоятке
Его меча, клянется Ганелон.
Так гнусное свершилось преступленье!

48 Стояло там слоновой кости кресло,
Велел Марсилию книгу принести:
В ней был закон написан Мухамеда
И Тервагана. Мавр на ней клянется,
Что если он в полку сторожевом
Роланда встретит, – всю свою дружину
Пошлет на бой, чтоб пал могучий граф.
«Да будет так!» – сказал посланец Карла.

<...>

54 Уж приближался Карл к своим владеньям,
С дружиной в город Гальну прибыл он.
Разрушенный Роландом, этот город
Был на сто лет в пустыню превращен.
Ждет Карл вестей и дани от испанцев.
Граф Ганелон вернулся на заре.

55 Встал на заре король, пошел к обедне,
Затем на луг зеленый вышел он
Перед шатром. К нему сошлись бароны:
Пришел Роланд, учтивый Оливьер,
Пришел Нэмон и многие другие;
Граф Ганелон, изменник и предатель,
С большим коварством начал говорить.
«Храни тебя Господь! – он молвил Карлу, –
Тебе ключи привез я Сарагоссы,
Заложников, богатые дары!
Неверных царь тебя смиренно просит
Не гневаться на то, что он халифа
Прислать не мог, – я сам был очевидцем
Того, как триста тысяч сарацин,
Надев стальные шлемы и кольчуги
И взяв мечи в оправе драгоценной,
В далекий путь поплыли по волнам.
Седой халиф поехал с ними вместе:
Никто из них креститься не желал!
Четыре лье проехали уж мавры, –
Вдруг страшный вихрь нагрянул, – все они
Средь волн морских погибли безвозвратно!
Да, если бы халиф остался жив, –
Он был бы здесь!.. Через месяц, даже раньше,
Приедет царь принять закон Христа
И, пред тобою стоя на коленях,
Как ленный дар, Испанию получит».
«Хвала Творцу! – воскликнул император. –
Доволен я: ты будешь награжден!»
Гремят французов трубы боевые,
Навьючили дружины Карла мулов
И все идут во Францию-красу.

56 Опустошил страну испанских мавров
Могучий Карл: он замки взял и башни
И города неверных разгромил.
И молвил Карл: «Конец войне жестокой!»
Он мчится к милой Франции прекрасной...
На холм Роланд знамена водрузил.
По всей долине франки стали станом.
Меж тем идут оврагами испанцы,
Надели все кольчуги, шлемы, каждый
Свой добрый меч привесил у бедра,
Все мавры держат копья наготове.

В лесу, средь гор, четыре сотни тысяч
Там ждут зари... О горе! Наши франки
Еще того не ведают, не знают!

57 Проходит день, сгустился сумрак ночи,
Могучий Карл почил – и видит сон:
Он у Ворот широких Цезарийских,
В руке копье из ясени он держит,
Вдруг Ганелон схватил копье, тряхнул –
И от него осколки разлетелись...
Все спит король – до утра не проснулся.

58 И сон иной увидел император:
Он в Ахене сидит в своем соборе,
И вдруг – медведь бросается на Карла
И за руку хватает; с гор Арденнских
На Карла мчится страшный леопард,
Но в то же время быстрыми прыжками
И пес борзой спешит на помощь Карлу,
Он у медведя ухо откусил
И с леопардом в бой вступил жестокий.
«Великий бой!» – кричат дружины франков,
Но чья победа – Карл того не знает...
Все спит король... до утра! не проснулся.

59 Проходит ночь, заря зажглась на небе,
Во весь опор несется император.
Вокруг гремит до тысячи рогов,
И молвил Карл: «Ужасен ряд ущелий,
Кого бы нам оставить здесь на страже?»
«Пусть здесь стоит мой пасынок Роланд,
Он всех храбрей!» – сказал в ответ изменник
Граф Ганелон, но Карл взглянул сурово:
«Да ты сам бес! Какой смертельной злобой
Пылаешь ты! – воскликнул он. – А кто же
Передние дружины поведет?»
А тот в ответ: «К тому всего пригодней
Могучий вождь из Дании – Ожье».

60 Услышав то, Роланд, как истый рыцарь,
Стал говорить: «Спасибо, Ганелон,
Поставлен я тобою здесь на страже,
И славный Карл, французов повелитель,
Пока я здесь, ни мулов, ни коней,
Ни скакунов ретивых не лишится:
За каждого из вьючных мулов Карла
Мой меч врагов заставит заплатить!»
Граф Ганелон сказал: «Все это верно!»

61 Роланд, узнав, что полк сторожевой
Ему назначен, в сильном гневе молвил:
«Граф Ганелон, презренный трус, предатель,

Ты ждал, что я перчатку уроню, –
Как ты тогда на землю бросил посох?»

62 Роланд сказал: «Великий император,
Вручи мне лук, что держишь ты в руках:
Не заслужу, надеюсь, в том упрека,
Что я его на землю уронил,
Как Ганелон, когда он брал твой посох».
Поник челом великий император,
Рукой усы и бороду он треплет
И горько вдруг заплакал, зарыдал.

63 Пришел туда седой Нэмон Баварский.
Он лучшим был из всех баронов Карла:
«Сердит Роланд за приговор, – никто
На страже здесь стоять не захотел бы!
Великий Карл, вручи ему свой лук!»

64 Могучий Карл позвал к себе Роланда:
«Оставлю я тебе, племянник милый,
Своих дружин великих половину, –
Они тебя от гибели спасут!»
«Нет, ни за что! – сказал Роланд на это. –
Себя и род свой я не посрамлю!
При мне оставь лишь двадцать тысяч войска,
Иди спокойно; если жив я буду –
Никто тебя, король, не потревожит!»

65 И на коня вскочил тогда Роланд,
Стал Оливьер, его товарищ, рядом,
Примкнули к ним Одон, Жерен, Жерье,
Самсон, Жерард-старик из Руссильона
И Энжелье, могучий вождь гасконский,
И Беранжье. – «Пойду охотно с вами», –
Сказал Турпин. – «Я также не отстану, –
Сказал Готье, – не брошу я Роланда,
Он мой сеньор». Всего баронов Карла
Они избрали ровно двадцать тысяч.

<...>

68 У врат испанских все двенадцать пэров
И двадцать тысяч витязей отборных
Стоят на страже, робости не зная,
О гибели не думают они.
А славный Карл уж к Франции прекрасной
В то время шел: наполнены слезами
Его глаза, и бороду седую
Он рвет в печали; рядом на коне
Нэмон гарцует: «Что тебя печалит?» –
Спросил он Карла. – «Празден твой вопрос! –
Ответил Карл. – От горя и досады

Я не могу потоки слез сдержать!
Граф Ганелон людей моих погубит, –
Сегодня ночью ангел мне явился.
И вещей сон явил очам моим:
Мне чудилось, что в щепки разлетелось
В руках моих копьё; его разбил
Граф Ганелон: ведь он совет нам подал
Роланда там, в земле чужой, оставить!..
О Боже! Если он в бою погибнет, –
Никто его не может заменить!»

69 Рыдает Карл, идут печально франки,
Боятся все, трепещут за Роланда.
Изменник-франк его неверным предал
За золото, за ценные подарки:
Забрал он много шелковых ковров,
Коней ретивых, мулов, львов, верблюдов...
Марсилий-царь зовет свои дружины,
Всех кличет он князей, эмиров, графов,
Детей их, всех вассалов, – в трое суток
Четыреста он тысяч их набрал.
Со всех сторон рокочут барабаны,
И на вершине башни высочайшей
Поставлен идол бога Мухамеда.
И все к нему молитвенно взывают,
Затем идут чрез горы и долины –
И вот пред ними франкские знамена
И пэров стан. Уж близок страшный бой.

<...>

80 Тройные брони мавры надевают,
У всех щиты, мечи из крепкой стали,
А шлемы их – работы сарагосской.
Торчат рядами копья боевые,
И веют мавров пестрые значки,
Окрашенные в темный цвет и в белый,
И в красный цвет. Сошли с дорожных мулов
И на коней вскочили сарацины.
Был ясный день, светило ярко солнце,
Метали сбруи тысячи огней,
И множество рогов вокруг гремело.
Великий гул слышали французы.
«Товарищ мой! – воскликнул Оливьер. –
Сдается мне, что ныне с сарацином
Жестокий бой французам предстоит».
Роланд в ответ: «Ну, что же, слава Богу,
За короля должны мы храбро биться:
Обязан каждый витязь за сеньора
Терпеть лишения, раны, холод, зной,
Жалеть не должен кровь свою и тело!
Товарищи! Сплеча рубите мавров,

Чтоб песнь о нас позорную сложить
Не мог никто. Всевышний не за мавров,
Ведь наше дело правое – святое, –
Худой пример я не подам, друзья!»

81 Граф Оливьер взошел на холм высокий,
Взглянул направо он на луг зеленый
И видит там испанских сарацин.
«Товарищ мой! – Воскликнул он и Роланду. –
Встает гроза из-за испанских гор!
О, сколько белых панцырей, как пламя
Сверкают шлемы, – плохо нам придется,
И это знал коварный Ганелон, –
Он дал совет на страже нас оставить!»
Роланд в ответ: «Замолкни, Оливьер:
Он вотчим мой, не смей его порочить!»

<...>

84 И молвил граф: «Испанцев много тысяч, –
Немного нас! Роланд, товарищ милый,
Трубите в рог, – услышит император,
Вернется он, – и с ним все войско наше».
Роланд в ответ: «Безумцем буду я,
Покроюсь я во Франции позором!..
Не в рог трубить, – мечом стальным я должен
Врагов разить, и кровию багряной
Покроется мой добрый Дюрандаль¹⁵
До золота тяжелой рукоятки!
Пришли себе на горе сарацины:
Ручаюсь вам, погибнуть все должны!»

85 «Трубите в рог, Роланд, товарищ милый, –
Услышит Карл, на помощь к нам, не медля,
Примчится он со всей своей дружиной».
Роланд в ответ: «Избави Бог, чтоб я
Всех родичей своих покрыл позором
И Францию родную осрамил!
Мой добрый меч работать славно будет,
В багряный цвет окрасится булат,
Испанским маврам плохо здесь придется:
Погибнут все, я в том клянусь, друзья!»

86 «Роланд, товарищ, в звонкий рог трубите, –
Услышит Карл, проходит он ущелья, –
Ручаюсь вам, вернется войско франков».
Роланд в ответ: «Избави Бог, чтоб люди
Могли сказать, что в рог я затрубил
Из-за поганых, – родичей и близких
Не опозорю я таким упреком!

---

¹⁵ Дюрандаль – название меча Роланда. Образовано от слова *dur*: твердый, или от *durer*: быть прочным.

Когда ж настанет час великой битвы, –
Всего ударов тысячу семьсот
Я нанесу неверным, – свежей кровью
Окрасится мой добрый Дюрандаль!
Надежны франки, вместе на испанцев
Ударим мы, – и все они погибнут!»

87 «Не знаю, в чем тут может быть позор? –
Так Оливьер Роланду отвечает. –
Я видел сам испанских сарацин,
Покрыты ими горы и долины:
Им счета нет, а нас уж слишком мало!»
«Я тем сильнее рубиться с ними буду! –
Так граф Роланд товарищу ответил. –
Да не допустит Бог, ни все святые,
Чтоб Францию покрыл позором я!
Скорее смерть, чем срам! За то и любит
Нас славный Карл, что драться мы умеем!»

88 Мудр Оливьер, а граф Роланд бесстрашен,
Известны оба доблестью своею.
Надели брони, сели на коней,
Их смерти страх от битвы не удержит.
Бесстрашны графы, их надменны речи, –
Язычники испанские на франков
Несутся вскачь. «Смотрите, близко враг
И далеко могучий император, –
Сказал Роланду храбрый Оливьер. –
В свой зычный рог трубить вы отказались,
Здесь был бы Карл, и мы б спаслись от смерти:
Смотрите, там идут у гор, близ Аспры,
Последние унылые ряды
Его дружины! Мы права не имеем
На них пенять! Увы, в последний раз
Мы с вами, граф, на страже здесь стояли!»
Роланд в ответ: «Твои обидны речи,
Позор тому, чье дрогнет сердце, твердо
Здесь станем мы, – жестокие удары
Не нас, а войско мавров поразят!»

89 Когда увидел граф Роланд могучий,
Что близок бой, – он стал надменным, грозным,
Стал гордым он, как лев иль леопард.
«Друг Оливьер, оставь такие речи! –
Сказал Роланд. – Великий император
Оставил с нами двадцать тысяч войска,
Не чаял он, что есть меж ними трус!
Обязан каждый рыцарь за сеньора
Терпеть и зной, и холод, и лишения;
Жалеть не должен кровь свою и тело!..
Друг Оливьер, рази копьём булатным,
Рубить врагов я буду Дюрандалем,

Его мне дал великий император,
И если здесь меня постигнет смерть, –
Кому мой меч достанется, тот скажет;
«Владел им верный, доблестный вассал!»

90 В Другом конце Турпин архиепископ
Коня пришпорил, въехал на пригорок,
Позвал французов, слово им сказал:
«Бароны, здесь на страже нас оставил
Могучий Карл; должны мы пасть за веру
И короля; всем ясно видно вам,
Что близок бой, – у вас перед глазами
Дружины все испанских сарацин.
Покайтесь в грехах своих – и к Богу
С горячею молитвой обратитесь!
Во всех грехах получите прощенье,
И если здесь погибнуть вы должны,
То в рай цветущий все вы попадете,
К святым страдальцам всех причислят вас!»
Сошли с коней французские бароны,
Архиепископ всех благословил
И приказал им, вместо эпитимьи,
Рубить сплеча поганых сарацин.

91 С колен вскочили франкские бароны, –
От всех грехов очищены они.
Благословил их всех архиепископ,
На скакунов своих садятся франки,
Надели все доспехи боевые – На бой готовы.
Молвит граф Роланд:
«Друг Оливьер, вы правду говорили:
Нас всех обрек на гибель Ганелон,
Он взял за то несметные богатства,
И должен Карл жестоко отомстить!
Да, нас купил неверных царь Марсиль,
Но с ним теперь расплатятся мечи!»

92 Чрез горные испанские теснины
Промчался граф Роланд на Вейлантифе,
На скакуне своем. Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые,
В руках он держит острое копьё,
Играет им, и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копьё значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты. Горд Роланд могучий,
И счастьем блистает лик его.
Гарцует рядом друг его прекрасный...
«Ты наш оплот, ты славный наш защитник!» –
Кричат Роланду франкские полки.
Он бросил взгляд суровый на неверных,

С любовью нежной смотрит на французов
И ласковое слово им сказал:
«Товарищи, коней своих сдержите,
Идут себе на гибель сарацины,
Захватим мы великую добычу,
Какой никто из франкских королей
Не добывал доньне». Так он молвил.
На бой дружины начали сходиться.

93 «Не стоит спорить! – молвил Оливьер. –
В свой рог трубить, Роланд, вы не хотели –
Далеко Карл, не знает он, конечно,
Что здесь нам бой сегодня предстоит!
Нельзя винить его и прочих франков...
Вперед, за мной, вперед, мои бароны,
Я Богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, рубитесь вы сплеча;
Лишь об ударах ныне помышляйте,
Не забывайте клич призывный Карла!»
И грозный клич пронесся по ущельям;
Кто раз слышал «Монжой и Сен-Денис!¹⁶»,
Тот знал, что значит доблесть и отвага!
Помчались гордо франки на неверных,
Осталось им одно – рубить врагов,
Но сарацины также не робеют;
Смотрите, вот сошлись на бой дружины!

94 На скакуне гарцует Аэльрот,
Испанский мавр, Марсилия племянник;
Пред строем мавров выехал и дерзко
Он крикнул франкам нашим: «Эй, вы, трусы!
Должны вы здесь сегодня драться с нами,
И тот, кто вам защита и оплот, –
Великий Карл вас предал в руки наши!
Безумьем было вас в горах оставить;
Погибнет слава Франции-красы!
Могучий Карл руки лишится правой!»
Услыша то, к нему примчался быстро,
Пылая злобой, храбрый граф Роланд,
Всею мощью он ударил сарацина
И щит пробил, пронзил броню и грудь,
Спинной хребет рассек он сарацину
И кости все грудные раздробил,
Стальным копьём из тела вышиб душу!
Насквозь копьё прошло через шею, мавра.
От страшного удара Аэльрот
На скакуне ретивом зашатался
И наземь пал. И к мертвому воскликнул
Могучий граф Роланд: «Презренный, знай:
Наш император славный – не предатель

---

¹⁶ Монжой и Сен-Денис! – боевой клич в королевских войсках в средневековой Франции.

И не безумец; здесь оставив франков,
Он поступил, как истинный барон!
Нет, Франции здесь слава не погибнет!
Разите их, вперед, мои французы,
Разите их – удар наш первым был!
За нас Господь, – Он маврам не поможет!»

<...>

105 Все шире, шире бой распространился,
Роланд себя нимало не жалеет –
Копьем разит испанских сарацин.
Пятнадцать он нанес ударов маврам,
И вот – копьё на щепки разлетелось!
Тогда Роланд извлек свой Дюрандаль,
Пустил коня, Шернублия ударил
И шлем рассек, камнями покрытый,
Стальной шишак рассек и волоса,
Глаза рассек, лицо и грудь, и броню,
Спинной хребет, рассек седло золотое, –
В спине коня завяз булатный меч, –
И конь, и мавр на поле битвы пали.
«Презренный мавр! – сказал племянник Карла. –
В недобрый час сюда явился ты!
Твой Магомет тебе помочь бессилён, –
Нет, не таким, как ты, нас победить!»

106 Помчался вскачь Роланд по полю битвы,
В его руке булатный Дюрандаль.
О, если б вы тогда его видали!
Как он рубил неверных сарацин!
Багряным стал булатный меч Роланда,
Покрыты кровью руки, плечи, броня
И добрый конь до самых бедр крутых.
Граф Оливьер и все двенадцать пэров
Не отстают, французы колют, рубят...
Покрыли сплошь великой битвы поле
В предсмертных корчах груды сарацин.
Тогда Турпин воскликнул в восхищенье:
«Эх, хорошо бароны бьются наши!» –
Гремит «Монжой!» – победный Карла клич.

107 Вот Оливьер по полю битвы мчится:
В его руке осколок от копья;
Помчался граф на мавра Мальзарона
И щит разбил, украшенный цветами;
Глаза и мозг испанца от удара
К его ногам упали на траву.
Граф Оливьер убил семьсот неверных –
И все копьё на щепки разлетелось,
«Что вижу я? – воскликнул граф Роланд. –

Друг Оливьер, ты ныне безоружен!
Не так сегодня с нами бьются мавры,
Чтоб их могли дубиной мы прогнать!
Нам сталь нужна! и твердое железо!
Куда девал ты свой булатный меч,
Свой Альтеклер, на нем златые дужки,
Из хрусталя вершины рукоятки?»
– «Мне недосуг извлечь его! – ответил
Граф Оливьер. – Врагов разить я должен!»

108 Граф Оливьер извлек свой меч булатный,
Об нем Роланд недаром вопрошал, –
Граф Оливьер свой меч ему являет:
Юстина он язычника ударил,
Рассек чело и латы расписные,
Рассек коня, – упал на землю всадник
И добрый конь. – «Товарищ Оливьер,
Такой удар оценит император,
Отныне будь ты мне названный брат!» –
Так граф Роланд воскликнул к Оливьеру,
И клич «Монжой!» опять гремит победно.

109 На скакуне Сореле граф Жерен
И граф Жерье на быстром Пассе-Серфе
Помчались вместе к мавру Тимозелю,
Один его ударил прямо в щит,
Другой – в блестящий панцырь; оба разом
Сломали копья в теле сарацина, –
И мавр с коня на луг упал сраженный.
Не знаю я наверное, кто прежде
Его ударил – храбрый ли Жерье,
Иль вождь Жерен, его товарищ, славный...
Вождь Энжелье, бордосский граф могучий,
Своим копьем пронзил Эспервериса,
Турпин поверг на землю Синьорела,
Что был волхвом и в ад уж раз спускался.
(Ему Юпитер чарами своими
Помог сойти.) – «Вот истый негодяй,
Поганый мавр!» – сказал архиепископ.
«Убит, проклятый! – молвил граф Роланд. –
Брат Оливьер, могуч удар Турпина!»

110 Все жарче бой: жестокие удары
Валят на землю франков, сарацин...
Одни разят, другие отражают
Напор врагов, – и сколько острых копий
Разбито там и кровью обагрилось!
Разорваны знамена и значки.
О, сколько франков юных там погибло:
Им не видать ни жен, ни матерей,
Ни короля, что ждет среди ущелий!

111 Карл тщетно ждет, и плачет, и рыдает...
Что пользы в том? Помочь не в силах он.
Граф Ганелон-предатель им на горе
Отправлен был к Марсилию послом.
За то потом он жизнью поплатился:
Имперский суд, что в Ахене был созван,
Его к позорной казни присудил,
А вместе с ним от смерти не спаслися
И тридцать знатных родичей его!

<...>

114 Долиной мчится грозный царь Марсилиий
И с ним его бесчисленная рать:
Десятка два всего полков могучих.
Горят щиты и пышные узоры
Блестящих лат. Семь тысяч труб гремит,
Среди ущелий стон стоит великий.
«Брат Оливьер, нас предал Ганелон, –
Сказал Роланд, – но Карл его накажет!..
Теперь должны мы выдержать жестокий,
Упорный бой, – такого не бывало
До сей поры! Рази мечом своим,
А я работать буду Дюрандалем!
Не раз с тобой носили мы мечи,
Не раз с тобой победу добывали, –
О нас позорной песни не споют!»

115 Увидев рать несметную неверных,
Покрывших сплошь и горы, и долины,
К себе на помощь франки, призывают
Роланда, пэров, графа Оливьера.
Архиепископ слово им сказал:
«Друзья мои, вы мавров не страшитесь,
Я Богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, не дрогнуть, чтоб певцы
О нас позорной песни не сложили!
Здесь лучше нам погибнуть всем со славой:
Надежды нет, – мы ляжем здесь костями!
Зато, друзья-товарищи, пред вами
В цветущий рай теперь раскрыта дверь!
Вы завтра все воссядете среди хора
Святых страдалцев!» – так он молвил франкам,
И снова все отвагою пылают,
И вновь гремит победный клич «Монжой!»

<...>

130 Роланд увидел тяжкие потери
Своих дружин. «Товарищ Оливьер,
Бесценный друг, смотри, какое горе
Постигло нас, – о, сколько благородных

Здесь полегло могучих удальцов!
Достойна слез судьба отчизны милой:
Каких баронов Франция лишилась!
Могучий друг, великий, славный Карл,
Зачем тебя здесь с нами нет!.. Товарищ,
Брат Оливьер, что делать, как на помощь
Позвать владыку франков?» – «Друг Роланд,
Не знаю, как позвать на помощь Карла, –
Позору смерть я должен предпочесть!»

131 Сказал Роланд: «В свой рог трубить я буду:
Услышит Карл, проходит он ущелья,
Ручаюсь вам, вернется войско франков».
«Навеки вы покроете позором
Себя и род свой! – молвил Оливьер. –
Теперь вас срам постигнет, если Карла,
Гремя в свой рог, к себе начнете звать!
Уж ваши руки кровью обагрились!»
«То кровь врагов!» – ответил граф Роланд.

132 Сказал Роланд: «Ужасен бой кровавый, –
Я затрублю, – услышит император».
«То храброго вассала недостойно! –
Так отвечал Роланду Оливьер. –
Я вас просил, – вы слушать не хотели, –
Здесь был бы Карл, он спас бы нас от смерти,
Нельзя пенять на Карла и на франков!..
Я бородой клянусь вам, если Бог
Мне даст опять сестру увидеть Альду, –
На вашу грудь она не упадет!»

133 «Чем рассердил я вас, товарищ милый?» –
Спросил Роланд, а тот ему в ответ:
«Лишь вы, Роланд, несчастья виновник!
Достойней тот, кто мудр, чем тот, кто бешен!
Безумство ваше всех нас погубило, –
Не будем больше Карлу мы служить!
Роланд, меня вы слушать не хотели, –
Пришел бы Карл, и был бы царь Марсилиий
Иль взят, иль мертв, – увы, нам всем на горе
Пылали вы безумною отвагой, –
Теперь мы Карлу больше не нужны!
Да, вы, Роланд, с которым ни единый
Боец еще не мог в бою сравниться,
Умрете здесь. И Францию позор
Постигнет вечный. Ныне дружбе нашей
Пришел конец. И раньше, чем наступит
Вечерний час, – расстаться мы должны».

134 Услышал спор Турпин архиепископ,
Вонзил в коня он шпоры золотые,
Примчался к ним обоих успокоить.

«Граф Оливьер и вы, мой друг Роланд,
Я Богом вас, сеньоры, заклинаю
Оставить споры, в рог трубить уж поздно:
Далеко Карл, поспеть не может он;
Но все ж трубите, – славный император
Придет сюда неверным отомстить.
Пусть ни один из мавров сарагосских
К себе домой, ликуя, не вернется:
Приедут франки, – с борзых скакунов
Сойдут они, кровавые останки
Они на поле битвы соберут,
Положат нас на спины вьючных мулов
И с плачем горьким плитами покроют
Останки наши в склепах монастырских,
Чтоб волки нас и псы не растерзали».
«Ты прав, сеньор!» – ответил граф Роланд.

135 К устам своим Роланд свой рог приставил,
Напряг все силы, зычно он трубит:
На тридцать лье через горные вершины
Заветный рог раскатами гремел.
Услышал Карл, услышали французы, –
Сказал король: «Дерутся люди наши!»
Ему в ответ изменник Ганелон:
«Когда б другой сказал такое слово,
Его почел бы всякий за лжеца!»

136 С усилием отчаянным и болью
Трубит Роланд – багряной, свежей кровью
Его уста покрыты. На челе
Все крепкие перервалися жилы...
Гремит протяжно зычный Олифант¹⁷, –
Услышал Карл среди ущелий мрачных,
И вождь Нэмон, и все дружины франков, –
Сказал король: «Роланда рог гремит,
Не станет даром звать меня племянник.
Там бой кипит!» – «Нет битвы никакой! –
Граф Ганелон тогда ответил Карлу. –
Стыдись, король, уж ты и стар, и сед,
А между тем ребенок малолетний,
Что ты сказал, не стал бы говорить!
Не знаешь разве дерзости Роланда?
И как его Господь не покарает!
Припомни: он без всякого приказа
Взял город Нобли; жители навстречу
Ему пошли, вступили в бой жестокий –
И всех Роланд могучий изрубил.
Затем Роланд велел обмыть водою
Кровавый луг, чтоб смыть следы сраженья...
Да что! Весь день, гонясь за быстрым зайцем,

---

¹⁷ *Олифант* – название Роландова рога: слонобая кость.

Роланд трубит; теперь, наверно, он
Смеется, шутит с пэрами своими...
Никто на бой с Роландом не решится.
Вперед! Здесь время даром мы теряем:
Не близок путь до Франции-красы!»

137 Кровавой пеной рот покрыт Роланда,
И жилы все раскрыты на висках,
С большим трудом, с невыносимой болью
Трубит Роланд, – слышали французы,
Услышал Карл: «Протяжно рог гремит!» –
Воскликнул он. – «Да, рыцарь благородный
В большой беде, дерутся люди наши! –
Сказал Нэмон. – Недаром держит нас
Граф Ганелон, – ведь он Роланда предал!
Пусть загремит победный Карла клич:
Зовите франков, броню надевайте,
Скорей, скорей летите, Карл могучий,
На помощь пэрам вашим; ясно всем,
Что граф Роланд в отчаяньи зовет нас!»

138 Могучий Карл велел трубить, – и франки
Сошли с коней, доспехи надевают:
Надели брони, шлемы и щиты,
А у бедра, украшенные золотом,
Привесили булатные мечи.
Их копыя крепки: в красный цвет, и в темный,
И в белый цвет окрашены значки.
На боевых коней вскочили франки,
Во весь опор несутся по ущельям.
«О если б нам застать в живых Роланда, –
Так молвил каждый, – страшные удары
Мы б вместе с ним неверным нанесли!»
Напрасно все: они примчатся поздно!

139 Пылал закат, светило ярко солнце, –
Горели шлемы, брони и щиты,
Узорами покрытые. Сверкают
Стальные копыя, цветом золотистым
Горят на солнце пестрые значки.
Исполнен гнева, мчится император,
За ним в печали мчится франков строй, –
Рыдают все, трепещут за Роланда...
Бесгона Карл велел позвать, не медля.
(Он старшим был из царских поваров.)
«Возьми под стражу графа Ганелона:
Изменник он, моих людей он предал!
Тебе пока его я поручаю
До дня суда!» – так молвил император.
Бесгон позвал товарищей своих:
Они схватили графа Ганелона
И выщипали бороду, усы...

Избили страшно палками, кнутами.
И на цепь был посажен Ганелон,
Как дикий зверь, цепями весь окручен!
Его на клячу жалкую свалили
И так везли до дня суда над ним.

140 Высок и грозен ряд вершин угрюмых,
На дне долин ручьи струятся быстро.
Гремят французов трубы боевые,
В ответ гремят на зычный Олифант.
Во весь опор несется Карл Великий,
За ним французов сумрачных ряды,
Молитву шепчут грозные бароны,
По лицам их текут ручьями слезы,
Все просят Бога, чтоб они с Роландом
Могли разить неверных сарацин.
Напрасно все, – они примчатся поздно!

141 Во весь опор несется Карл Великий.
Поверх брони висит брада седая,
Вокруг него французские дружины
Несутся вскачь, исполнены тоски:
Досадно им, что там, в ущельях мрачных,
Роланд без них с неверными дерется.
Да, если он в жестокой битве ранен,
То все его дружинники погибли!
Увы, всего осталось шестьдесят,
Зато никто, будь он король могучий
Иль славный вождь, в часы жестокой битвы
Таких бойцов отважных не видал!

142 Роланд взглянул на горы и долины, –
Повсюду смерть, везде лежат французы...
И зарыдал могучий граф Роланд:
«О, Боже! Ты благий и милосердный,
Открой пред ними в рай цветущий дверь
Друзья мои, могучие вассалы!
Как долго мне служили честно вы!
О, сколько стран мы вместе покорили,
Вскормил вас Карл, увы, себе на горе!..
О, Франция, отчизна дорогая,
Каких баронов здесь лишилась ты!
Товарищи! В несчастье виновный,
Не мог я вас от смерти защитить!..
Пусть вас хранит великий, справедливый
Единый Бог... Мой милый друг, товарищ,
Граф Оливьер, с тобой мы неразлучны...
Знай, если я от битвы уцелею, –
Меня погубит горькая тоска...
За мною, друг, ударим на неверных!»

143 Вернулся граф Роланд на поле битвы,

Он бьет сплеча, как доблестный барон:
Рассек Фальдрона; многих знатных мавров
Он там убил. Ужасна месть Роланда:
Как лань бежит пред сворою собак, –
Так сарацин пред ним толпы бежали.
«Недурно, граф, дерешься ты! – воскликнул
Архиепископ. – Всякий, кто зовется
Бароном, кто, надев доспех блестящий,
На скакуне гарцует ретивом,
Обязан так сражаться: кто ж не может –
Тот никуда не годен; пусть в монахи
Поступит он и молится за нас!»
«Вперед, друзья, рубите без пощады!» –
Сказал Роланд. На бой помчались франки,
Но много их в той битве полегло.

<...>

158 Как доблестно дерется граф Роланд!
В огне все тело, пот течет ручьями,
И в голове боль страшная: так сильно
Он в рог трубил, что жилы на висках
Раскрыты все! Но все ж узнать он хочет:
Придет ли Карл – и вновь Роланд трубит.
Увы! Чуть слышно рог звучит заветный!
Но все ж его услышал император,
Коня сдержал он. «Сеньоры, – молвил Карл, –
Неладно там! Роланда мы лишимся!
По звуку рога чувствую, что скоро
Умрет Роланд, – и если кто желает
Поспеть к нему, пусть шпорит скакуна!
Во все рога и трубы загремите».
И загремело тысяч шестьдесят
Французских труб: казалось всем, что с ними
Трубят холмы, а мрачные долины
Гремят в ответ. И мавры услышали,
Безделицей им то не показалось:
«Король! – кричат они. – Король вернулся!»

159 Кричат они: «Вернулся император!
Рогов французских слышен звон вдали,
Нагрянет Карл, и плохо нам придется!
Но если мы Роланда не уьем,
То снова вся война начнется эта, –
Лишимся мы Испании-красы!»
И вот сошлись четыреста отборных,
Отважнейших бойцов, все в крепких шлемах...
И в страшный бой с Роландом сарацины
Вступили вновь, – нелегкая работа
Еще мечу Роланда предстоит!

160 Когда Роланд увидел их, то гордым

И грозным стал: он силы вновь почуял, –
Пока он жив, не сдастся он врагам.
Коню в бока вонзил золотые шпоры,
Врубился он в толпу испанских мавров,
И с ним Турпин. «Друзья, скорей бежимте! –
Кричат испанцы. – Слышали вы звон
Рогов французских, мощный Карл вернулся!»
Не мог терпеть Роланд презренных трусов
И не любил он также гордецов,
И злых, и всех, не верных ленной чести.
«Сеньор! – сказал Турпину он. – Вы пеши,
Я на коне, но ради вас мне должно
Здесь обождать, – и радости, и горе
Должны делить мы, – я не брошу вас,
И с вами вместе тотчас же неверным
Мы отомстим за страшный приступ их:
Славнее нет ударов Дюрандаля!»
Сказал Турпин: «Позор тому, кто в битве
Врагов рубить не может! Карл придет
И отомстит язычникам испанским».

162 «Увы, увы! – на горе и страданья
Родились мы! – сказали сарацины. –
Ужасный день: мы пэров и сеньоров
Лишились здесь, – и славный Карл вернулся!
При нем его великая дружина.
Трубят рога французов: все покрыл
Гремящий крик “Монжой!” Отвагой в битве
Никто Роланду равным быть не может,
Не победит его никто из смертных, –
Метнем в него и дротики, и копья –
На месте он останется наверно!»
И вот – летят и дротики, и копья,
И тучи стрел. Разбит весь щит Роланда,
Разорвана железная кольчуга, –
Граф невредим, но тридцать стрел и копий
Его коня ретивого пронзили,
Конь наземь пал; бегут толпы неверных,
И граф Роланд один на поле битвы,
Он пешим стал, – погиб его скакун.

<...>

170 И чувствует Роланд, что час кончины
Уж недалек: сочится из ушей
И кровь, и мозг. Всевышнего владыку
За пэров славных молит граф Роланд.
А за себя к святому Гавриилу
С молитвой он смиренной обратился.
И взял Роланд свой рог и меч заветный
(Чтоб упрекнуть его никто не мог).
Идет Роланд, – насколько пролетает

Из самострела брошенный свинец, –
Пришел Роланд к земле испанских мавров,
Взошел на холм; два дерева прекрасных
Стояло там, близ них четыре глыбы
Из мрамора блестящего стояли.
Упал ничком Роланд на мураву,
Лежит Роланд, – уж близок час кончины.

171 Высоки горы, выше их деревья.
Четыре глыбы мрамора блестят.
На мураве лежит племянник Карла...
За ним давно следит испанский мавр,
Лежит среди трупов, мертвым притворился,
Замазав кровью тело и лицо.
Отважен, знатен был испанский витязь,
Он вдруг вскочил и, бросившись к Роланду,
Гордясь победой, в сильном гневе молвил:
«Ты побежден, племянник Карла, меч твой
Я отнесу в Аравию родную!»
Он отнял меч, – и смутно граф Роланд
Почувствовал, что меч его схватили.

172 Почуял граф, что он меча лишился,
Открыл глаза: «Ты, кажется, не франк!» –
Воскликнул он и, сжав свой рог заветный,
Ударил им по шлему золотому.
Он шлем разбил и кости, наземь пали
Глаза испанца, мертвым он свалился.
«Презренный мавр! – воскликнул граф. –
Как смел ты меня схватить? Услыша то, наверно,
Тебя почел бы всякий за безумца!
Разбит мой меч по самой середине,
На землю пали золото, хрусталь!»

173 Роланда очи мрак покрыл, с усилием
Он встал, – покрыты бледностью черты.
Пред ним стоит гранитный темный камень.
Во гневе граф ударил десять раз
Мечом своим, и сталь звенит о камень,
Но не разбит клинок, не зазубрился.
«О, помоги, Мария Приснодева! –
Воскликнул граф. – Увы, мой Дюрандаль,
Мой добрый меч, ты больше мне не нужен,
Мне жаль тебя! В таких боях жестоких
С тобой врагов так часто побеждал я,
Так много царств с тобой завоевал!
Теперь владеет ими император,
Могучий Карл, седобородый вождь!
Не должен ты достаться в руки трусам,
Тобой владел столь доблестный вассал:
Нельзя найти во Франции свободной
Славней меня, отважнее бойца!»

<...>

175 Роланд ударил меч о твердый камень,
Летят куски гранита на траву,
И сталь звенит, но меч не зазубрился
И не разбит, – от камня отскочил он.
И видит граф Роланд, что не под силу
Ему разбить булатный меч, и тихо
Оплакивать он стал свой Дюрандаль:
«Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой тяжелой рукояти
Хранятся мощи: зуб Петра из Рима,
Василия святого кровь и там же
Владыки Сен-Дениса волоса,
В тебе кусок от ризы Приснодевы:
Не должен ты язычникам достаться.
Христов слуга тобой владеть лишь должен!
Тобою столько стран я покорил.
Владея ими, славен император,
Могучий Карл, седобородый вождь!
О, если б ты, мой добрый меч булатный,
Презренным трусам в руки не достался!»

176 Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд, – и вот, под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.
В своих грехах он просит отпущенья,
И к небу он перчатку протянул.

177 Почуял граф, что дольше жить не будет,
Он на холме лежит лицом к испанцам,
И бьет он в грудь слабеющей рукой:
«О, Боже! Дай в грехах моих прощенье,
Во всех грехах, и малых, и великих,
Что я со дня рожденья совершил!»
И к небу он простер свою перчатку,
И ангелы слетаются к нему.

178 Лежит Роланд лицом к земле испанской,
Лежит под сенью ели. Вспомнил он
О многом вдруг: о землях, им добытых,
О родине, о Франции-красе,
И вспомнил он о Карле-властелине,
Своем кормильце, – слезы удержать
Не мог Роланд, – подумал о спасеньи

И просит все грехи свои простить:
«Отец Небесный, Боже милосердный,
От смерти спасший Лазаря святого,
Из пасти львов исторгший Даниила,
Душе моей лишь Ты один защитник, –
Спаси меня, прости мои грехи!»
И к небу он простер свою перчатку,
Ее принял архангел Гавриил.
Поник челом Роланд – боец могучий,
Скрестил он руки, смерти час настал.
Послал к нему Всевышний херувимов,
И Рафаил слетел к нему на землю,
И Михаил заступник, вместе с ними
Слетел и сам архангел Гавриил...
И вот – с душой Роланда херувимы
Помчались прямо в чудный, светлый рай...

179 Погиб Роланд, его душа на небе.
Могучий Карл вернулся в Ронсеваль.
Покрыты сплошь луга, долины, горы
Телами павших франков, сарацин.
«О, где ты, друг Роланд, племянник милый? –
Воскликнул Карл. – Где доблестный Турпин,
Где Оливьер, Жерен, Жерье, Иворий,
Ивон – мои любимцы, где Одон,
Где Ансеис, Самсон и престарелый
Жерард и ты, гасконец Энжелье?!
О, где вы, где, оставленные мною
На страже здесь, двенадцать славных пэров?»
Увы, никто ему не отвечал!
«О, Боже, – молвил Карл, – зачем не мог я
Сей бой начать!» – и в горести жестокой
Могучий Карл рвет бороду седую,
И с ним рыдают все его бароны:
Их двадцать тысяч замертво упало
От горести; старик Нэмон Баварский,
Увидев то, в смущенье онемел.

<...>

181 Велит король греметь в рога и трубы,
Со всей дружиной вслед за войском мавров
Несется Карл. У всех одно желанье –
Настичь врагов; и видит славный Карл,
Что скоро ночь. Тогда на луг зеленый
Сошел с коня великий император,
Простершись ниц; движенье солнца просит
Остановить и день продлить... Тогда
Он ангела знакомый голос слышит:
«Воспрянь, король! Продлится свет денной,
То ведомо Творцу, что ты сегодня

Лишился цвета Франции прекрасной,
За все теперь ты можешь отомстить!»
Воспрянул Карл и вновь в погоню мчится.

182 Великое по просьбе Карла чудо
Явил Господь: стояло неподвижно
На небе солнце. Полчища испанцев,
У Валь-Генебра франки настигают,
Разят неверных, гонят к Сарагоссе
И все пути отрезали врагам.
И вот пред ними Эбро, – в этом месте
Раса течет со страшной быстротой.
Ни кораблей, ни лодок не нашли там
Толпы неверных, – прямо в волны Эбро
Вскочили мавры, тщетно призывая
Себе на помощь бога Тервагана.
Одних тотчас же ко дну потянули
Тяжелые доспехи, а других
Река крутила быстро по теченью;
Счастливей прочих были те, что только
Лишь напильсь не в меру, – наконец,
Погибли все ужасной смертью мавры.
«В недобрый час вы встретились с Роландом!» –
Кричат неверным франкские полки.

183 Увидел гибель мавров Карл Великий:
Побиты все иль в Эбро утонули,
Досталась франкам знатная добыча...
Сошел с коня и, на лугу простершись,
Благодарит Творца король могучий.
Когда ж он встал, то солнце уж зашло.
И молвил Карл: «Мы здесь привал устроим,
Уж поздно нам вернуться в Ронсеваль:
Устали кони, их вы разнуздайте,
Пустите всех пастись на этот луг».
«Ты прав, король», – ответили французы.

184 Расположился на ночь Карл Великий,
Сошли с коней в той местности пустынной
Его дружины. Сняв уздечки, седла,
Они коней пустили там пастись
На луг, травую свежую покрытый.
О скакунах оставя все заботы,
Усталые французские бароны
Там на земле лежали. В эту ночь
Никто не правил стражи, все заснули.

185 На мураве лежит могучий Карл:
Он в головах свое копьё поставил
И лат, блестящих золотом, не снял.
На нем блестит и шлем его, а дивный
Булатный меч привешен у бедра;

Звался тот меч Жойез, – и в день единый
Его цвета менялись тридцать раз.
Известно всем, что волею Господней
Могучий Карл достал конец копья,
Которым наш Господь, наш искупитель,
Был на кресте врагами прободен.
То острое великий император
Велел сокрыть в тяжелой рукояти
Булатного меча. С тех самых пор
И Карла меч в честь этого был назван
Жойез¹⁸ – то знают все бароны наши;
Их крик «Монжой!» в честь этого меча
Грозой гремит всегда на поле битвы,
И ни один народ не устоит.

186 Луна блеснит, и ночь светла. В печали
Лежит король, – он вспомнил о Роланде,
Об Оливьере, пэрах, прочих франках,
Они в крови лежат среди теснин!
И зарыдал великий император,
Он Бога просит души их спасти...
Устал король, трудов великих много
Он перенес в тот день, – и Карл заснул.
С ним рядом там лежат его дружины,
Устали кони: ни один из них
Не мог стоять, травой кормились лежа...
Да, кто немало бедствий претерпел,
Тот многому научится, конечно!

187 Измучен Карл, он спит тревожным сном.
Послал к нему Всевышний Гавриила,
Чтоб охранять его. У изголовья
Всю ночь стоял Господень светлый ангел,
И страшный бой, что Карлу предстоял,
Явил ему в пророческом виденье:
Взглянул на небо Карл и видит громы,
Огонь и град, и молния, и бури...
И разом все обрушилось на франков:
Яблоновых и ясеневых копий
Все острия и древка запылали,
Зажглися брони, шлемы и щиты,
Их сталь гремит, и стонет войско Карла...
Стремятся к франкам змеи, леопарды,
Медведи, гидры, чудища, по виду
Уродливей исчадий ада, с ними
Ужасных грифов ровно тридцать тысяч...
И франки все кричат: «Король, на помощь!»
В печали Карл стремится к ним, но вдруг
Свирепый лев навстречу Карлу мчится,
Он в бешенстве бросается, и с ним

---

¹⁸ Жойез – в переводе: радостная.

Схватился Карл, и бой кипит жестокий...
Кто победит – не ведает король.
Все спит король, до утра не проснулся.

188 И сон другой увидел император:
Он в Ахене своем, за цепь он держит
Медведя там. Вдруг из лесу к нему,
Со стороны Арденн, больших медведей
Приходит тридцать, все они, как люди,
Ему сказали: «Карл, за что ты держишь
Его в плену? Он родич наш, и все мы
За ним пришли!» Из залы к Карлу мчится
И пес борзой и с самым крупным зверем
Вступает в бой, схватились на лугу...
Кто победит – неведомо владыке...
Таков был сон, что Карлу Божий ангел
Явил тогда. До утра спал король.

189 Примчался царь Марсилиий в Сарагоссу,
Сошел с коня под сению оливы;
Он слугам отдал шлем, броню и меч
И в корчах пал: лишился он десницы,
И кровь течет ручьями на траву,
А близ него царица Брамимонда
Рыдает, стонет. Двадцать тысяч мавров
И Францию, и Карла проклинаят...
В пещере там стоял их Аполлин, –
К нему бегут с проклятьями испанцы:
«Проклятый бог, нас всех ты опозорил,
Ты дал в обиду нашего царя!
За нашу службу верную в награду
Ты что нам дал!?» И скипетр, и порфиру
Там сорвали с него, топтали, били
И за руки привесили к столбу.
Его кумир на щепы весь распался...
Затем схватили бога Тервагана
И сорвали с него карбункул яркий.
В глубокий ров был брошен Мухамед,
Его топтали свиньи и собаки!..

190 Очнулся царь. В палаты расписные
Велел себя тотчас перенести.
Его жена, царица Брамимонда,
Рыдает, плачет, кудри рвет свои:
«О, Сарагосса, ныне ты лишилась
Марсилия, владыки своего!
Покинули предатели нас боги,
И будет трус эмир наш, если в бой
Не вступит он с дружиной дерзких франков,
Которых смерть нимало не страшит!
Наверное, без боя не отступит
Их славный Карл, седобородый вождь!

Его, увы, никто убить не может!»

191 Могуч был Карл: семь долгих лет он пробыл
В земле испанской, грады взял и замки.
Уж в первый год войны Марсилий-царь
Послал письмо к эмиру Балигану,
Тому эмиру старому, седому,
Что был древней Виргилия, Гомера
(Он царствовал в Египте, в Вавилоне).
Эмира царь просил прийти на помощь,
Не то грозил Марсилий-царь отречься
От всех богов, принять закон Христа
И покориться Карлу-властелину.
Не мог эмир тотчас прийти на помощь –
Не близок путь. Со всех своих владений
(До сорока их было) Балиган
Собрал войска; он тьму галер и лодок
И кораблей собрал в Александрии
И вот весной пустился в дальний путь.

<...>

206 Приехал Карл в долину Ронсеваля,
Над трупами он горько зарыдал:
«Сеньоры, – молвил он своим баронам, –
Своих коней сдержите, я один
Пойду искать Роланда по долине.
На празднике торжественном когда-то
В первопрестольном Ахене моем
Мои бойцы молодые похвалялись
Отвагою своею в боях жестоких, –
Роланд сказал, что если он погибнет
Когда-нибудь в краю чужом, далеком, –
Всех впереди найдут его останки,
Лицом к врагам он будет там лежать,
Чтоб знали все, что граф Роланд могучий,
Как победитель, пал на поле чести».
Так далеко, как можно бросить жезл,
Вперед проехал франков повелитель,
И на высокий холм взобрался он.

207 Роланда ищет славный император,
О, сколько там увидел он цветов,
Окрашенных багряной кровью франков!
Он зарыдал. И на холме высоком
Увидел он два дерева. Под ними
На скалах Карл нашел следы ударов
Роландова булатного меча.
На мураве лежал его племянник.
То диво ли, что горесть охватила
Всю душу Карла? Он сошел с коня,
Племянника приподнял он и страстно

Прижал к груди. Над трупом бездыханным
Лишился чувств от горя славный Карл.

<...>

229 Сошел на луг великий император,
Лицом к востоку он простерся ниц
И в пламенной молитве просит Бога:
«О, защити меня, Отец Небесный!
Ты Иону спас, когда его пожрал
Огромный кит, владыку ниневийцев
Ты сохранил и спас его народ,
От страшных мук избавил Даниила,
Его от львов свирепых Ты избавил,
Из печи Ты трех отроков исторг!
Теперь к Тебе о милости взываю:
О, дай за смерть Роланда отомстить!»

230 Свою молитву кончил император,
И, знаменьем великим осенивши
Свое чело, он сел на скакуна.
Граф Жозеран, Нэмон держали стремя.
Он взял копьё и щит. Прекрасен, строен,
Могуч король, лицо его сияет...
На скакуне гарцует гордо Карл,
Трубят французов трубы боевые,
И все покрыл гремящий Олифант –
Напомнил он французам о Роланде,
И в горести бароны зарыдали.

231 Был на коне прекрасен Карл Великий:
Поверх брони висит брада седая,
И по примеру Карла все французы
Брады своей не скрыли под броней, –
Легко узнать среди войска наших франков!
И вот они прошли долины, горы,
Прошли ущелья мрачные, пустыни –
В земле испанской стали на лугу.
Разведчики вернулись к Балигану,
И так сказал ему один сириец:
«Мы видели надменного француза:
Надежен, грозен франков этих строй!
К оружию! Король идет на битву!»
«Весть добрая! – воскликнул Балиган. –
Поведайте о том моим дружинам!»

<...>

263 Проходит день, уж вечер наступает:
Мечами рубят франки и арабы,
Их привели великие вожди
Эмир и Карл, гремит их клич призывный:

«Пресьез!» – воскликнул зычно Балиган,
«Монжой!» – в ответ воскликнул император.
Тогда они друг друга узнают
По голосам раскатистым, могучим...
Они сошлись, схватились... по щитам
Вожди копьем друг друга поражают,
Под выпуклым наверх их пробили
И разорвали брони друг на друге
Подпруги седел лопнули – и оба
С коней упали. На ноги вскочив,
Они мечи булатные исторгли:
Лишь смерть борьбу их может прекратить!

264 Могуч властитель Франции прекрасной,
Ему эмир в отваге не уступит.
Они мечи стальные обнажили
И бьют сплеча друг друга по щитам.
Рассечены и дерево, и кожа,
На землю пали гвозди и наверхья, –
В одних бронях остались два борца,
Мечи со шлемов искры выбивают,
И меж вождями бой не прекратится,
Пока себя виновным не признает
Неверных вождь иль франков властелин.

265 «Сдавайся, Карл! Смиренно о пощаде
Проси меня! – воскликнул Балиган. –
Ты моего убил сегодня сына,
В мою страну ты вторгся незаконно...
Но я тебе отдам свои владенья
До самого Востока, если ты
Меня своим признаешь сюзереном!»
И молвил Карл: «Позор меня постигнет.
Не должен я с язычником мириться;
Крестись – и я готов тебя любить,
Уверуй только в истинного Бога!»
Эмир в ответ: «Ты скверный проповедник!»
И вновь звучат булатные мечи.

266 Могуч эмир: по шлему золотому
Он короля французов поразил
И шлем разбил, камнями покрытый,
И волоса рассек; всю кожу, мясо
Булатный меч от кости отделил,
И шириной с ладонь нанес он рану
От страшного удара покачнулся
Могучий Карл, – но не судил ему
Небесный Царь погибнуть в этой битве, –
Сам Гавриил опять слетел на землю
И молвил: «Карл Великий, что с тобой?»

267 И ангела узнал владыка франков,

Он вновь почувал силу и отвагу,
Мечом своим эмира поразил:
Он шлем рассек, камнями покрытый,
Рассек весь череп, мозг рассек, лицо
До бороды седой, – убит на месте
Неверных вождь – язычник Балиган.
«Монжой!» – воскликнул зычно император,
Чтоб франков рать скорей его узнала.
И вот – Нэмон приводит Тасендюра,
Вскочил король на резвого коня.
Так хочет Бог, – бегут толпы неверных:
Настало наших франков торжество!

268 Так хочет Бог! Бегут толпы неверных,
Жестоко гонит их могучий Карл:
«Друзья, за горе ваше отомстите! –
Воскликнул он. – Я видел, нынче утром
Рыдали вы, – за все воздайте им!»
«Ты прав, король!» – кричат дружины франков
И беспощадно рубят сарацин...
Не много их с той битвы уцелело!

269 Был страшный зной, столбом стояла пыль,
И все бегут в смятенье сарацины;
Их гонит Карл до самой Сарагоссы.
Вот Брамимонда всходит на вершину
Высокой башни; с нею там монахи,
Аббаты мавров (Бог таких не любит:
На голове у них тонзуры нет,
Не посвящал никто их в сан духовный!).
Вдруг Брамимонда с башни видит бегство
Язычников – и, бросившись к царю:
«О, государь! – воскликнула царица. –
Эмир погиб в бою позорной смертью,
Разбиты наши храбрые полки!»
Лицом к стене Марсилией повернулся,
Закрыв лицо, он горько! зарыдал
И умер с горя. Был он страшный грешник:
Его душа – добыча сатаны.

270 Великий Карл разбил полки неверных,
Побитых тьма, – другие разбежались!
Повержены ворота Сарагоссы:
Ничто не может Карлу быть преградой,
Вошел он в город, с ним его дружины;
Проспали там до утренней зари.
И горд, и светел Карл седобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великих башен больше десяти
И малых башен больше полусотни.
Да, счастлив тот, кому поможет Бог!

271 Проходит день, уж вечер наступает,
На небе блещет месяц, словно пламя,
Сверкают звезды. Занял город Карл.
Он дал приказ: и тысяча баронов
Обходят все мечети, синагоги,
И молотом, и ломом сокрушают
Все идолы святилиц Мухамеда.
Все колдовство, все чары навсегда
В том городе король наш уничтожил,
Он хочет Богу службу сослужить:
Епископы там воду освятили
И повели креститься сарацин.
Кто не хотел креститься, – тех, не медля,
Французы жгли и вешали, и били...
Сто тысяч мавров были крещены, –
Все добрыми сынами церкви стали.

<...>

294 Могучий Карл спросил своих баронов:
«Что делать нам с заложниками? Ныне
Их Пинабель мне дал, за Ганелона
Они порукой были». – «Пусть умрут!» –
Воскликнули французские бароны.
Тогда король велел позвать Басбрэна
(То был палач): «Заложников повесить,
Не медля, там, на дереве проклятом! –
Сказал король. – И если хоть один
Избегнет казни, – я брадой своею
Тебе клянусь, что будешь ты казнен!»
«Исполню все!» – сказал палач на это:
Он сотню слуг позвал себе на помощь,
И все они заложников схватили...
Все тридцать там на дереве повисли...
Изменник так всегда себя погубит,
Погубит всех он: близких и друзей!

295 Вернулись все баварцы, аллеманы,
Пошли норманны, жители Пуату.
Бретонцы, – все согласно порешили
(И больше всех настаивали франки),
Чтоб Ганелон погиб ужасной смертью.
Вот привели четыре скакуна
И руки, ноги графа Ганелона
К тем лошадям, не медля, привязали...
И гонят слуги резвых скакунов;
Там на лугу стояла кобылица, –
К ней гонят их, – ужасные мученья
Там испытал изменник Ганелон:
Растянуты, разорваны все члены,
И кровь течет ручьями на траву...
Погиб он смертью труса... Да не станет

Никто своей изменой похваляться!

296 Когда свой суд окончил император,
Велел позвать епископов французских,
Епископов баварских, аллеманских,
И молвил им: «Есть пленница у нас,
Ее здесь долго вере поучали:
Она креститься хочет. Вас прошу я
Свершить обряд, чтоб душу спас Господь».
«Ты восприемниц ей назначь знатнейших
Из дам своих придворных», – отвечали
Ему на то епископы. Тогда
Народ пришел в престольный Ахен,
И в тех водах чудесных окрестили
Испанскую царицу Юлианой.
Не по нужде, вполне по доброй воле,
Закон Христа познала Брамимонда.

297 Окончил суд могучий император,
Печаль и гнев великий облегчил.
Им крещена царица Брамимонда.
Проходит день, сгустился мрак ночной,
Заснул король в своей опочивальне.
И вдруг к нему явился Гавриил:
«Зови, король, скорей свои дружины, –
Так молвил он, – велит тебе Господь,
Чтоб в Бирскую страну ты шел, не медля,
Спешу туда на помощь Вивиану.
Его столицу Иф в осаде держат
Несметные дружины сарацин.
Тебя зовут напрасно христиане!»
Не хочет Карл идти и молвит он:
«О, Боже, жизнь моя полна мучений!» –
Рыдает Карл, рвет бороду седую...
Здесь прерваны Турольдовы сказанья.